

Елена Пудовкина

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

+ + +

Не жизнь идёт, но длится черновик,
 Какие-то листы изгрызли мыши.
 Ночь не поёт - срывается на крик,
 И этого уже не перепишешь.
 О чём-то жизнь должна повествовать,-
 Листая наши, всякий возмутится:
 О вечности не кончена глава,
 А о любви заплакана страница.
 И с Богом договору вышел срок.
 Оглянешься: ошибки, сноски, пятна...
 Но если кто читает между строк,
 То мы с тобой спасёмся, вероятно.

+ + +

Горстку сушёных грехов приносит старушка.
 Тёмная вера её лампадкой горит,
 В детской душе церковь живёт, как игрушка,
 Греет молитвой, праздником вечным дарит.
 Старость у дерева учится лёгкому звуку,
 Радостно чувствовать дереву творчую руку,
 Лад для души - что мёд.

Век бы жила

В этом согласи людей, и небес, и ремёсел.
 Но по слезам плывёт лодка моя без вёсел,
 Добрый приют минует.

А дальше - вовсе

Страшно: и лес гниёт, и гибнут Твои дела.

+ + +

Мы так боимся счастья на земле
 Не потому ли, что иные дали
 Когда-то души, странствуя во мгле,
 Не увидали даже, - угадали.

Мы так боимся на земле прозреть
 Не потому ли, что ещё ни разу
 Не умирали, но играли смерть,
 Как в музыке - трагическую фразу.

+ + +

Двух ртов соприкасание, а не уст.
 Дыхание с простудой вперемешку.
 И нищих наших чувств
 Скитание по ночлежкам;
 Где ночью дом, там утром, смотришь, - куст.

Всё так и было. Было, да не так.
 День поднимался призрачен и наг,
 С толпой мешался, вспоминал с натугой:
 Дела, дела, сто тысяч разных дел,-
 Здесь опоздал, там что-то не успел...
 И нас терял, как слёзы, друг за другом.

+ + +

Сначала - сумасшедшую везли
 В больницу Николая Чудотворца;
 Был крик, как дерево, привязан поперёк
 На крыше "скорой" и жлестал ветвями.

Потом - всю ночь котёнок бился в яме
 Двора; и плач, когтистый, как зверёк,
 Распахивал все окна, дверцы, створцы,
 Сердца царапал, истощал и злил.

А между тем - из глубины земли
 Такие запахи выходили и цвели,
 Как если бы взамен двора-колодца
 Нам чашу полную на счастье поднесли,
 А нам - беда - не хочется, не пьётся.

К утру вернётся в раму натюрморт,
И все изображённые предметы
Спокойно встретят наступленье света.
Не умирать же в самом деле от
Тех перемен, что происходят с нами.
И просыпаясь, мы не знаем сами,
В какой вовлечены круговорот.

Творец свободным мир изобразил:
Плоды преобразаются в планеты
И в ночь летят, а дальше правил нету.
И лестницы нам снятся, но перил
Лишаются, нас заведя высоко.
И в головокружении жестоком
Жизнь длится и своих страшится сил.

+ + +

Сочельник скоро. Как пчелиный мёд,
Мы собирали по сладчайшей капле
Со всех цветов невзрачных. Худо-бедно,-
Стал золотым глотком и этот год.

А если так - то мы идём с дарами
К Тебе на Рождество, с волхвами и царями
Смешавшись.

Но, смутясь, скажу: Прости!
Прости нас, Боже, мы пришли оттуда,
Откуда и пойти-то было - чудо.

Наш дар - он весь - в горсти.

+ + +

Валентину Левитину

Кувшин убогий, с пересошим горлом
Сам в форме памяти себе растит цветок,
Чтоб сумрачный украсить закуток
И двор в подтёках за окошком голым.

Здесь неоткуда зачерпнуть воды
 Живой, и в семенах таится тленье.
 Но форма, форма молит о спасеньи!
 Мольба услышана: вот ваза — в ней плоды.
 Но не движение, не жест, не звук —
 Всё те же сумерки и двор в поту простуды.
 Ни одного свидетельства о чуде
 Нет. Кроме радости.

И полнота сосуда —
 Деле не наших рук.

+ + +

До тех лишь пор, пока полёт секунд
 Доступен взору — он и существует.
 Но, падая вдали, мгновения летают,
 Песком становятся, живую плоть секут.
 А те секунды, чей полёт пока
 Не начался, минуя поле зренья,
 В голубизне, в блаженном оядаленьи
 Рассматривают нас сквозь облака.

+ + +

Огонь имеет страсть — и тем уже не страшен.
 Не больше, чем любовь, губительна вода.
 Но на краю земли у азиатских башен
 Песок, песок, песок вступает в города.
 Ваошедший на костёр в огне же и воскреснет.
 О пленниках своих волна всплакнёт не раз.
 Лишь в пении песка, в его тоскливой песне
 Ни слова нет о том, что ожидает нас.

+ + +

Уходит день от нас по небосклону.
 Ещё немного — я пойду вослед.
 Жизнь в известь выпала, и нишею оконной
 Она мне кажется. А что до прежних лет —

То сухонькие шелестят в шкафу листы,
 Желтеют по краям их мелкие черты.
 И я, всмотревшись, узнаю не сразу:
 Все строчки щурятся, а были круглоглазы.

Судьба их тяжела. Они, не видя света,
 С ума сошли и счастливы вполне.
 Дню уходящему я объясняю это,
 Дню уходящему я говорю, что мне
 Наскучило смотреть ему вослед из ниши —
 Не статуя же я! А он мне: тише, тише...

К МЕРКУРИЮ

Беги, беглец! Твоих крылатых ног
 Закон не свяжет мелкий.
 Торгуясь, обмани: оставь в залог безделки,
 Своруй залог.

Но главное — беги, и будешь вечно прав,
 Как весть любая, кроме
 Той, что живёт в доме, стареет, экономит
 И свой смиряет нрав.

+ + +

Евгению Звягину

Субботник. Спешка. Искровский проспект
 Туда-сюда людей перегоняет.
 Где б церкви быть — гниющий лес воняет,
 Где б далам быть — там вовсе жизни нет.
 А от домов мертвецки-голубых
 К нам тянется тяжёлый дух похмелья
 И новоселья. Из худой трубы
 Бьёт музыка. И как на карусели —
 Дней-лошадей круженье.
 Одна трава, чуть слышная, в пыли
 На кучи мусора вскарабкалась вдали
 И наугад пошла к Преображенью.

Сегодня тучи молча, без чудачеств,
Как служащие люди, шли.

Кружным путём, как ходит неудача,
Куда-то их уступы крыши вели.

А где же дождь, божественный огонь
Летящих молний?! Злой судьбы удары?!
Любая тварь, как некая ладонь,
Ждёт благодати и страшится кары.

Но мы живём на брошенной земле,
И наши будни выросли во зле.
А если что и промелькнуло в тучах -
То эти знаки ничему не учат,
Лишь мучают всю протяжённость лет.

ДВОР-МАСТЕРСКАЯ

Немелодичен двор. То жесть о жесть
Скрежещет. То ребёнок косоглазый
Два поля зренья должен видеть сразу -
И как зверёк дрожит, и дыбом шерсть.

Привыкли здесь ковать за звуком звук.
Истерика ребёнка-подмастерья,
Крушение чьей-то утвари за дверью -
Рабочий шум и дело наших рук.

Бери, Заказчик страшный и великий,
Изделя Твоего двора-клялики -
Скудельные псалмы из глины и земли.
Но не казнить, а миловать вели.

Честны труды, честны труды двора,-
Мелодия для ангельского хора
Готова. И сквозь горло коридора
Пропущена. И петь её пора.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ X ПСАЛМА

Мне говорят: душа твоя, как птица,
 Должна лететь к Господнему престолу.
 А я отвечаю: стрелы нечестивцев
 Преследуют не птиц, но наши души.
 До основанья Божий Храм разрушен.
 Что может праведник создать на месте голом?

Господь же подвергает испытанью
 Неправедных, и праведных, и нищих.
 И наблюдая за всеобщей бранью,
 Со смертью в чаше смешивает ветер;
 Неправые за все грехи ответят,
 А правые пускай поют на пепелище.
 Господь же правду любит, только правду...

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ XI ПСАЛМА

Спаси меня, Господи, ибо вокруг — ни души.
 Ближайшему каждый солжёт и того не заметит,
 Нет верных меж нами. И велеречивейшей лжи
 расправлены сети.

Не знаю — когда, но я знаю: Господь истребит
 Позорящих слово, владеющих страшной наукой
 Слова сопрягать, чтобы нищие души ловить
 приманкою звука.

Слова Твои, Господи, чистые, как серебро,
 От рода сего сохрани, переплавить не дай на монеты.
 Где низкий возвысится — в мышь превратится герой.
 И правых здесь нету.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ IXXXIX ПСАЛМА

О, Господи! Ты шёл из рода в род,
 Из века в век. Что два тысячелетья? —
 Вторая стража у земных ворот.
 И наводнением уносишь Ты народ,
 Когда из берегов выходит Лета.

И поколение вырастает, как трава, -
Едва нальётся зеленью и цветом -
Придут косцы, засучат рукава.
И годы отлетают, как слова,
Отпущенные с губ, подхваченные ветром.

Лет наших семьдесят. И лучшая пора
Проходит в изнурительной работе.
Труд и болезнь - две стороны добра.
Опомнись - уж просят со двора,
Лети себе, и размышляй в полёте.

О, Господи! Как числить наши дни,
Чтоб сердце в мудрости великой преуспело?
Доколе? Смилостись. За бедствия одни
Ты радости нам столько же верни,
И к делу наших рук благоволи, и к делу...

+ + +